

ФРАНЦИЯ КАК «ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)¹

Идеологемы, формировавшиеся участниками неоднородного по составу антибольшевистского движения и распространявшиеся с помощью периодической печати, выступали основой для конструирования коллективной идентичности, спланировавшей противников советской власти. Наряду с идеями, выражавшимися в лозунгах «возрождения единства и величия России», «воссоздания армии», на страницах несоветских газет активно формировались образы иностранных союзников России в мировой войне, являвшихся «значимым Другим». Они включали в себя ряд представлений о внешнем мире, влиявших на конструирование идентичности антибольшевистского движения. Одной из ключевых союзниц антибольшевистского движения являлась Франция. В статье анализируются особенности влияния представлений о революционном прошлом Франции на конструирование идентичности антибольшевистских сил («воображаемого» образа нации) и образа врага в лице большевиков. В ходе анализа материалов сибирской и дальневосточной несоветской периодической печати, выпускавшейся в 1918–1919 гг. выявляются ключевые сюжеты, связанные с революциями в истории Франции, актуализация которых осуществлялась в контексте артикуляции ценностей, важных для представителей антибольшевистского движения.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Франция; антибольшевистское движение; образ; периодическая печать; Сибирь; Дальний Восток.

Определяя нации как воображаемые сообщества, Б. Андерсон отмечает, что воображаемым является всякое сообщество, кроме первобытных деревень «объединенных контактом лицом-к-лицу». Различать сообщества, по его мнению, следует по стилю, в котором они воображаются [2, с. 48]. Инструменты консолидации тех или

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00094)

иных коллективов и групп многообразны — язык, религия, культура, идеология, история и память. В то же время, по словам Л. П. Репиной, чувство общности «...базируется на категоризации/стереотипизации образов «Других» в обыденном сознании, в котором бытует представление о том, что народы, как индивиды, обладают набором устойчивых качеств» [30, с. 18]. «Другой» — будь то враг или союзник в своем образе потенциально способен воплощать характеристики, позволяющие индивиду и группе конструировать собственный образ на основе актуализации сходств или различий с ним. «Поскольку чужаки и другие маргинальные элементы человеческих коллективов “воплощают” их границы, — отмечает И. Нойманн, — то роль, которую играют эти элементы в формировании идентичности соответствующих коллективов, во многих отношениях выступает как наиболее перспективная область исследований» [25, с. 68].

Период революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны в России, характеризующийся как время слома старых и «кристаллизации» новых политических институтов [11, с. 9] можно также рассматривать как процесс формирования и распада воображаемых сообществ. Политическая стабильность и военные успехи антибольшевистских правительств, сменявшихся на востоке России в 1918–1920 гг., зависели, помимо прочего, и от привлекательности провозглашаемых и транслируемых ими идеологием, которые использовались для конструирования и объединения определенных воображаемых сообществ.

Неоднородное по своему составу антибольшевистское движение выдвигало ряд идей, с одной стороны, призванных сплотить отдельные группировки в его составе, с другой — претендовавших на консолидацию всех противников советской власти. Лидеры антибольшевистских сил, обращаясь к населению подконтрольных территорий с лозунгами возрождения единства и величия России, патриотизма, воссоздания армии, и укрепления правопорядка, формулировали идею единства нации, понимаемой как сообщество сознательных граждан-патриотов. При этом «воображаемый» антибольшевистскими идеологами образ нации был многолик и размыт в силу отмеченной неоднородности противников советского

правительства. Представления о нации, как элементе идентичности антибольшевистских сил формировались также с опорой на образы Других — как врагов (большевики, немцы), так и союзников (страны Антанты и США). Одним из элементов коллективного образа дружественного Другого являлся образ одной из ключевых союзниц дореволюционной России и антибольшевистского движения — Франции, включавший факты и оценочные суждения, стереотипы, актуальную информацию, ретроспективы и прогнозы. Данный образ строился в ходе коммуникации правительственных, партийных и общественных институтов и транслировался посредством средств массовой информации — газет и журналов. Особенности взаимовосприятия России и Франции в годы Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны рассматривались в работах О.С. Поршневой и А.В. Голубева [5], А.Ю. Павлова [28], И.Э. Магадеева, А.В. Бодрова [4] на общероссийском материале, а также М.М. Стельмака [34] на материалах востока России. Автором данной публикации также уже была рассмотрена взаимосвязь стереотипов в образе Франции и ключевых идеологом антибольшевистских сил [12].

Цель данной работы — поиск ответа на вопрос, каким образом набор представлений о революционном прошлом Франции мог влиять на конструирование идентичности антибольшевистских сил («воображаемого» образа нации) и образа врага в лице большевиков? Для этого в ходе анализа материалов сибирской и дальневосточной несоветской периодической печати, выпущенной в 1918–1919 гг. будут выявлены ключевые сюжеты, связанные с революциями в истории Франции, актуализация которых осуществлялась в контексте артикуляции ценностей, важных для представителей антибольшевистского движения. Источниковую базу исследования составили официальные издания правительств (Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака), партий (кадетов, эсеров, социал-демократов) и кооперации.

Осмысление событий русской революции на страницах правительственных, партийных и других периодических изданий со-

проводилось ссылками на европейскую историю. Обращение к революционному прошлому Франции в данном контексте было закономерным, выражаясь в форме сопоставлений и параллелей, отсылок, использования лексики, связанной с контекстом рассматриваемых авторами эпох.

Национальная идея и классовая борьба. В периодических изданиях, выпускавшихся партией кадетов, а затем в правительственных органах печати и пропагандистских газетах, издававшихся Русским бюро печати, активно транслировалась идея необходимости возрождения «национального чувства» и патриотизма, как залога восстановления единства и величия России. «Национальное» как элемент риторики «государственно-мыслящих» политических сил, противопоставлялось ими «классовому», как атрибуту социалистов и прежде всего большевиков. В данном контексте правительственные идеологи и журналисты кадетских газет рассматривали Великую французскую революцию как период патриотического подъема французов, объединения всей нации во имя сохранения государственности. Летом 1918 г. в томской либеральной газете «Наша мысль» при характеристике революционных событий во Франции отмечалось — «французы, любили свое отечество, любили свою “прекрасную Францию” и в этом причина успеха, с которым эта крохотная, в сравнении с остальной Европой, нация выдержала такие испытания и бури и вышла из них очищенной и еще более прекрасной...» [1, с. 2–3].

Революционные потрясения в России напротив оценивались как отражение и следствие утраты национального достоинства и патриотизма. «Одна из них очистила народ и государство от грязи и плесени, другая — отравила народ опасным ядом, погубила государство и национальную честь...», — подчеркивалось в новониколаевской кадетской газете в рамках сравнения двух революций [39, с. 2]. Красноярские кадеты, также при сравнении русской и французской революций отмечали разрушительность обеих, указывая, что влияние событий рубежа XVIII–XIX вв. на другие страны Запада — заслуга не только революции, но и «переворотов» Наполеона, «...с его лучшей идеей всемогущего, всепоглощающего и всеуравнивающего Государства» [7, с. 3–4].

Правительственные идеологи стремились использовать исторические примеры для утверждения идеи национального единства вопреки борьбе отдельных социальных групп. На страницах официальной «Нашей газеты» отмечалось, что французская революция была национальной революцией, «несмотря на свои ошибки». Автор статьи, посвященной национальным символам, подчеркивал, что сменявшиеся у власти во Франции в конце XVIII в. партии стремились действовать не в интересах отдельных классов, а ради всего народа [9, с. 1].

С той же целью, но в несколько ином контексте актуализировались представления о событиях Франко-прусской войны и Парижской коммуне. Мысль о том, что единство нации являлось следствием страданий и испытаний, находила подтверждение в примере Франции, не смилившейся с потерей Эльзаса и Лотарингии. Сорокалетние «страдания за Эльзас», по мнению редакции газеты «Военные ведомости», укрепили дух французов и позволили им выстоять и победить в ходе мировой войны [24, с. 1–2]. Размышляя о послевоенном урегулировании весной 1919 г. дальневосточный журналист отмечал также, что «история Франции после 1871 г. — история жгучей ненависти к врагу и стремления к “реваншу”, завершающаяся ныне». Автор полагал, что в сложившейся ситуации перед союзниками стояла непростая задача выбрать «меру натиска» на побежденную Германию, чтобы избежать возникновения жажды реванша уже с ее стороны [38, с. 2].

В то же время образы французских революций могли актуализироваться и в рамках критики политических оппонентов именно с классовых позиций. Социалистическая печать, обвиняя российскую буржуазию в отсутствии демократизма и стремлении сохранить свои классовые интересы, использовала образ западных предпринимателей в качестве Другого, на фоне которого рельефнее вырисовывались недостатки отечественных торгово-промышленников. Наряду с английскими и американскими примерами, упоминались и французы. По мнению алтайского социалиста И. И. Кодора политика российской буржуазии при самодержавии «...подготавливала зародыши печального настоящего». При этом автор вспоминал о французском *tiers état* в конце XVIII в. — «третье

сословие тогда сумело подняться до понимания своих классовых задач, что вы не можете сделать даже сейчас» [10, с. 2]. В середине 1919 г. редакция газеты «Русь» — органа сибирской кооперации — связывала неудачи Омского правительства с отсутствием у него социальной базы. Вместе с тем, отмечалась слабость, «тепличность» русского предпринимательского класса. «Класса буржуазии, той буржуазии, какая во Франции в 1789 году под звуки марсельезы разрушила феодальные твердыни и создала Францию революционного творчества, такой буржуазии у нас в России нет», — отмечалось в газете [26, с. 1].

Демократия и диктатура. Вопрос о степени демократичности власти, конструируемой на востоке страны в условиях гражданской войны, широко обсуждался в правительственных и партийных изданиях. Споры журналистов и партийных деятелей, взаимные обвинения и упреки служили красноречивым индикатором политической и социальной неоднородности антибольшевистских сил. В данном контексте исторический опыт «просвещенной Европы» был востребован и для подтверждения собственных взглядов, и для критики доводов оппонентов.

Социалисты могли упоминать тему революций во Франции в контексте актуализации идеи демократии. Выступления эсеров и меньшевиков в защиту народоправства сочетались с критикой диктатуры, которую, по их мнению, стремились установить торгово-промышленники, военные и часть интеллигенции, примыкавшей к партии кадетов. В данном случае, Франция рубежа XVIII–XIX вв. была удобным примером для журналистов и политиков. Эсер М. А. Кроль, выступая на заседании Сибирской Областной Думы 19 августа 1918 г., несколько раз обращался к французской истории для поиска аргументов против диктатуры и важности защиты Учредительного Собрания и народоправства. Так, по его мнению, успехи «народной армии» французов, под руководством молодых генералов, одерживались благодаря Конвенту. «Конвент не только не мешал победам Франции, — он вызывал победы», — подчеркивал М. А. Кроль, считавший также, что французская революция получила два смертельных удара — от «неофициального диктатора» Робеспьера и Наполеона [31, с. 2].

Как позднее вспоминал эсер, его выступление было негативно встречено «автономистами» [13, с. 79]. В печати также появились критические замечания. Профессор В. М. Грибовский указал на допущенные М. А. Кролем искажения истории, подчеркнув, что Робеспьер не являлся диктатором, поскольку правил совместно с Конвентом. Наполеон же, по словам профессора, «...взял власть из рук ничтожной Директории...», был любим народом, а его правление «...было блестящей эпохой в истории Франции во всех отношениях, и он был бы светлым гением этой страны, если бы его не погубила жажда завоеваний» [6, с. 3].

Опасности диктатуры противопоставлялась необходимость участия общества в политическом процессе. В статье социалистической газеты «Сибирь», помещенной в издании «Думы Алтая», экономический и продовольственный кризис в России сравнивался с хозяйственной разрухой во Франции конца XVIII века, итогом которой стал приход к власти Наполеона. Надежды французских рабочих на Бонапарта были быстро развеяны. «Поняли они также и то, что безответственные властители, вроде Наполеона, могут бороться с народом, насилуя его чувства, ум и волю, но с хозяйственной разрухой страны может и должен бороться сам народ», — подчеркивалось в публикации [29, с. 3].

В содержании правительственной осведомительной деятельности развитие идей демократизма ставилось в зависимость от сохранения государства вообще. Спасение государственности в текущих условиях считалось возможным лишь при воссоздании армии. В газете «Вестник Забайкалья» весомость роли армии в возрождении России подкреплялась словами безымянного современника Великой Французской Революции — «нация возрождается на полях битв и погибает на митингах», в которых, как отмечалось, содержалась «великая истина» [3, с. 3]. Стремление противопоставить поля сражений как место возрождения страны политическим сходам, как олицетворению ее разрушения, наглядно иллюстрировало разочарование в митинговой стихии 1917 г. и в целом негативное отношение к практике политической работы революционных партий. «Государственно-мыслящие» элементы, видевшие в действиях социалистов угрозу для дела возрождения страны, использова-

ли исторические параллели также для предостережений. В декабре 1919 г. на фоне краха правительства А. В. Колчака, красноярский кадет Д. Е. Лаппо отмечал, что стремление революционных партий проводить в жизнь свои «утопические идеалы» способно привести народные массы к индифферентизму и апатии, а страну к реставрации «горше той, чем та, к которой привела Францию Великая революция» [17, с. 3].

На фоне размышлений о соотношении демократии и единоличной власти неизменно происходила актуализация образов политических и военных деятелей Франции той или иной эпохи. Образ упомянутого выше Наполеона Бонапарта складывался преимущественно из двух наборов характеристик. С одной стороны, он оценивался как выдающийся и незаурядный деятель — политик и полководец. Подчеркивались при этом его исключительные качества и «величие». Так, редакция минусинской социалистической газеты «Труд», в ноябре 1918 г. сообщая об установлении диктатуры А. В. Колчака, в передовой статье приводила краткий исторический экскурс в историю диктатур. Отмечалось при этом, что Наполеон не являлся диктатором, поскольку принял власть от «...бездарной и бездеятельной директории, и если главенствовал над нею, то только в силу гениального ума и сверхчеловеческой энергии» [21, с. 1]. Военный публицист капитан Колесников в открытом письме французам, опубликованном в феврале 1919 г. подчеркивал уважение и интерес русского общества к «великому» Наполеону, проявившееся в период празднования столетия войны 1812 г. «В эти дни в витринах всех магазинов, в каждом доме мы могли увидеть открытку или бюст императора Наполеона, а наши лучшие поэты и писатели — Пушкин, Лермонтов и граф Лев Толстой не могли пройти молчанием — загадочную тень величайшего полководца мира», — писал капитан [8, с. 2].

С другой стороны, подчеркивалась жажда завоеваний Бонапарта, приведшая к многочисленным жертвам и страданиям, сам полководец при этом мог характеризоваться как «тиран». Впрочем, даже в контексте негативных характеристик Наполеон мог удостаиваться эпитета «великий». Например, говоря о том, что столетие назад «...мы избавили весь мир от тирании великого Наполеона...»

безымянный журналист газеты «Ишимская жизнь», полагал, что России выпала участь вновь спасти Европу от «смертельной болезни» — большевизма.

Примечательной чертой образа Наполеона в антибольшевистской прессе являлись ситуативные сравнения тех или иных участников переживаемых и наблюдаемых событий с французским лидером. Обычно не в пользу отечественных политиков и в уничижительном или ироничном контексте. Так, Р. Гайда, поднявший мятеж во Владивостоке в ноябре 1919 г. характеризовался в местной газете как «невежественный политик», «желторотый, едва оперившийся генерал», «маленький Наполеон» [35, с. 1–2].

Иначе характеризовался племянник Бонапарта — Наполеон III, в образе которого преобладали негативные характеристики, проговаривавшиеся в ходе актуализации важных для авторов тем или идей — необходимости сохранения демократии, критики милитаризма и популизма. Император мог быть назван трусом, предавшим Францию [20, с. 1], узурпатором и бездарным правителем, ведущим близорукую политику [32, с. 1]. В социалистической газете «Думы» правительство Наполеона III приводилось в качестве типичного примера власти, стремившейся к военным авантюрам ради укрепления своего престижа [27, с. 2].

Параллели и прогнозы. Публицисты и идеологи антибольшевистского движения, предпринимая попытки осмысления русской революции, неизбежно начинали проводить параллели, искать сходства и различия между событиями в России и Франции, строить на их основе прогнозы и объяснительные модели.

Размышления о природе и последствиях насилия, захлестнувшего страну, побуждали авторов обратиться к событиям конца XVIII в., изобиловавшими примерами революционного террора. Жестокость и насилие являлись неотъемлемыми атрибутами формируемого несоветской периодической печатью образа врага, в роли которого выступали большевики. Примеры и аналогии из революционного прошлого Франции позволяли конкретизировать или усилить конструируемый образ. При этом, как социалистическая, так и либерально-кадетская печать в одинаковой степени использовали данный прием.

В апреле 1918 г. во владивостокской газете «Голос Приморья» проводились параллели между действиями большевиков и якобинцев. «Убийство Шингарева и Кокошкина, перевезенных из тюрьмы в больницу, восстанавливает в нашей памяти леденящую душу картину массового избиения в парижских тюрьмах (свыше 1500 чел.) арестованных якобинцами “врагов народа”», — писал автор, задаваясь вопросом о неутешительных итогах и перспективах революции [15, с. 1]. Газетные сообщения о расстрелах, учиненных большевиками в Казани, заставляли красноярских кадетов вспомнить о «законе о подозрительных» 1793 г., из-за которого террор охватил всю Францию. «Наши доморощенные террористы решили углубить опыт своих французских собратьев: те издавали общие предписания об арестах, а наши большевики стали издавать такие предписания и о расстрелах», — писал кадет Н. Лавров, указывавший на необходимость уголовного суда над большевиками [16, с. 1–2]. Надо отметить, что якобы расстрелянные профессора Казанского университета — Гольдгаммер, Фаворский и Миславский, упомянутые в газетной публикации, пережили Гражданскую войну и продолжили работу уже при новой власти.

Проводились аналогии между большевиками и французскими революционерами также в контексте осуждения гонений на религию. Уфимский священник Ал. Кулясов полагал, что большевики «...буквально повторяют азы парижской коммуны — отсюда их гонения на православную церковь». Считая «нравственный материализм» гибельным для цивилизации, священник рассматривал «душу народа» в качестве двигателя его прогресса. Выражением «души» русского народа считались при этом понятия «Бога» и «земли» [14, с. 3]. Не обошлось без отсылок к Французской революции в ходе критики советской цензуры. В сентябре 1919 г. в газете «Русская армия» со ссылкой на меньшевистский орган печати «Борьба» приводилась почти анекдотическая история о снятии и правках пьесы «Смерть Дантона» в Советской России из-за «не тактичного изображения» личности Робеспьера. Журналист «Русской армии» подытоживал публикацию словами — «так российские якобинцы усмотрели крамолу и контрреволюцию даже в сценах из французской революции» [18, с. 2].

Исторические параллели позволяли не только обличать противников, но и с опорой на прецеденты прошлого предлагать рецепты спасения государства. Террор властей в отношении коммунаров в 1871 г. рассматривался некоторыми проправительственными авторами как успешный опыт подавления революционных волнений, потрясавших государство. Казачий публицист И. Н. Шендриков в марте 1919 г. отмечал, что концентрация большевиков в тюрьмах и откладывание суда над ними представляли угрозу для антибольшевистских сил. «Франция в 1871 г. имела мужество для спасения государственности и сохранения своего международного положения судить и отправить в Каенну до 40 тысяч захваченных в Париже коммунаров, искренне увлекавшихся социальной утопией и не запятнавших себя, как большевики, изменой и предательством родины внешним врагам», — писал автор, указывая тем самым путь решения обозначенной им проблемы [37, с. 22]. Фронтная газета «Вперед» цитируя негативную характеристику В. Гюго, данную им социализму, также писала по этому поводу: «к счастью, французы не позволили осуществить социалистам их безумной мечты ни в 1848 году, ни в 1871, во времена коммуны» [22, с. 1–2].

Займствования французского опыта касались и более созидательных видов деятельности. Либеральная «Сибирская жизнь», например, в январе 1919 г. приводила статью проф. Микулина, в которой тот обращал внимание на проект национального воспитания, рассматривавшийся Конвентом в 1793 г. Интерес для профессора представляли принципы всеобщего образования, изложенные в проекте. Несмотря на то, что не все было реализовано, по мнению автора, «... для нас важно само отношение к вопросу народного образования в такой — полный всякого строительства — ответственный момент государственной жизни страны, и важна забота и стремление к реформе этого дела в глубоких интересах народного блага» [19, с. 2–3].

Попытки предсказать исход гражданской войны в России также могли сопровождаться обобщающими или точечными сравнениями с событиями во Франции. Иркутская кадетская газета в публикации, касавшейся исхода мировой войны и перспектив

России, приводила мнение о неизбежности «выздоровления» России. «И Франция пережила три революции и ужасы гражданской междоусобицы», — отмечалось в издании, выражавшем надежду на то, что «...рано или поздно здоровый голос национального рассудка победит невежество широких народных масс» [23, с. 1]. Аналогичным образом обнадеживала своих читателей кооперативная газета «Каменская мысль» в августе 1919 г. Отмечая, что «прекрасная, как мы привыкли говорить, Франция в свое время пережила такой же упадок народной нравственности, какой переживаем мы», некто под псевдонимом «Старый кооператор» выражал убежденность в светлом будущем России, при условии освобождения ее от большевиков [33, с. 1]. Стремясь скрасить горечь поражений армий Омского правительства летом 1919 г. правительственный пропагандист сравнивал войну с большевиками с войной 1812 г., убеждая читателей, в том, что белые затягивали большевиков в Сибирь «...как в ловушку, как сто лет назад заманили в Москву Наполеона» [36, с. 1].

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. Представления о революционных событиях во Франции актуализировались в небольшевистской периодической печати периода Гражданской войны с помощью нескольких способов — путем сравнений, использования метафор, соответствующей лексики и символов. Образы революций, происходивших во Франции, позволяли идеологам и политикам антибольшевистского движения решать ряд задач. Во-первых, в контексте репрезентации событий и личностей, имевших отношение к революциям 1789 г., 1830 и 1848 гг. и Парижской коммуне 1871 г. осуществлялась актуализация значимых ценностей и идей — патриотизма, гражданской ответственности, демократизма и т.д. Во-вторых, параллели и аллюзии позволяли формировать и детализировать негативные образы врагов — большевиков и немцев, и положительные — союзников, в частности, самой Франции и Антанты в целом. Наконец, воспоминания о прошлом позволяли формировать модели, объяснявшие причины и суть происходящего, а также конструировать образы будущего путем сопоставления этапов русской революции с их «аналогами» из истории Франции.

Таким образом, анализ особенностей актуализации образа Франции, как «значимого Другого» позволяет выявить элементы политического мышления лидеров и идеологов антибольшевистских сил. Стремление антибольшевистских политиков и идеологов найти точки опоры в знакомых образах и представлениях из истории Франции для объяснения происходящего и упорядочения реальности, было сопряжено с попытками применения этих образов, схем и ярлыков для управления этой реальностью с помощью дискурсов. Параллели между русской революцией и вызванной ею гражданской войной с европейскими событиями, позволяли противникам большевиков говорить о перспективах скорого «выздоровления» России, убеждая аудиторию в закономерности и неизбежности своей победы. В то же время, акцентирование внимания аудитории на отличиях «русской смуты» на фоне той же Франции, позволяли антибольшевистским авторам позиционировать своих противников в качестве аномалии, опасного для всего мира явления, победа над которым направит русскую революцию в «национальное», «демократическое», «патриотическое» русло, и вернет страну в сообщество европейских народов.

Список литературы

1. А.Г. Уснувшее чувство // Наша мысль. Томск. 1918. 30 июня. С. 2–3.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Вести и факты. Армия — все // Вестник Забайкалья. Чита. 1919. 3 сент. С. 3.
4. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / А. В. Бодров, Магадеев И. Э., Павлов А. Ю., Феськова Е. П. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2021. Т. 1. 705 с., Т. 2. 892 с.
5. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.
6. Грибовский В.[Г.] Кроль и диктатура // Сибирский курьер. Иркутск. 1918. 6 сент. С. 3.

7. Д.В.А. Духа не угашайте // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 12 ноября (31 окт.). С. 3–4.
8. Капитан Колесников. Открытое письмо к французам // Русская речь. Новониколаевск. 1919. 14 февраля. С. 2.
9. Красный флаг // Наша газета. Иркутск. 1919. 14 дек. С. 1.
10. Кодор И. «Самоопределение» буржуазии // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 28 июля. С. 2.
11. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
12. Конев К. А. Образы Великобритании и Франции в политических дискурсах антибольшевистского движения на востоке России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 92–100.
13. Кроль М. А. Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской Областной Думы (из воспоминаний) // Вольная Сибирь. Прага. 1928. № 4. С. 69–82.
14. Кулясов Ал. Душа народа // Отечественные ведомости. Екатеринбург. 1918. 4 дек. (21 ноября). С. 3.
15. Кызыл. Исторические параллели // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 25 марта (7 апреля). С. 1.
16. Лавров Н. Преступление // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 13 окт. (30 сент.). С. 1–2.
17. Лаппо Д. Е. К возрождению // Свободная Сибирь. Красноярск. 1919. 9 декабря. С. 3.
18. М. Комиссарская цензура // Русская армия. Омск. 1919. 14 сентября. С. 2.
19. Микулин [П. А.] Чутьочку истории для облегчения параллелей // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 29 янв. С. 2–3.
20. Минусинск, 29 октября 1918 г. // Труд. Минусинск. 1918. 29 окт. (16 окт.). С. 1.
21. Минусинск, 22 ноября 1918 г. // Труд. Минусинск. 1918. 22 (9) ноября. С. 1.
22. Некто. Пророчество Виктора Гюго // Вперед. Екатеринбург. 1919. 11 сент. С. 1–2.
23. Неллин Б. Накануне мира // Свободный край. Иркутск. 1918. 14 дек. С. 1.
24. Новониколаевск, 24 ноября // Военные ведомости. Новониколаевск. 1918. 24 ноября. С. 1–2.

25. Нойманн И. Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
26. Омск 26 июля // Русь. Омск. 1919. 26 июля. С. 1.
27. О.П. Последняя ли это война? // Думы. Бийск. 1918. 1 дек. С. 2.
28. Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2019. 252 с.
29. П-ин И. Хозяйственная разруха во Франции во время Великой Революции // Думы Алтая. Бийск. 1918. 23 (10) окт. С. 3.
30. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
31. Сибирская Областная Дума // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 27 авг. С. 2.
32. Социалист-патриот. Версаль // Голос народа. Томск. 1918. 24 ноября. С. 1.
33. Старый кооператор. Письма к читателям // Каменская мысль. Камень. 1919. 17 авг. С. 1.
34. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 — декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
35. Степной А. Около жизни // Голос Родины. Владивосток. 1919. 22 ноября. С. 1–2.
36. Торхов Н. А. Духа не угашайте // Надежда России. Новониколаевск. 1919. 25 июля. С. 1.
37. Шендриков И. Пути государственности // Отечество. Омск. 1919. № 5–6. С. 19–23.
38. Увлечение и разум // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 24 апреля. С. 2.
39. Ясенов Вл. Беспочвенность партийности // Русская речь. Новониколаевск. 1918. 19 окт. С. 2.

Konev Kirill,

Assistant of the Department of the History of the Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History; Senior Researcher at the Laboratory of General and Siberian Lexicography, Tomsk State University.

FRANCE AS A “SIGNIFICANT OTHER” IN THE POLITICAL DISCOURSES OF THE ANTI-BOLSHEVIK FORCES IN THE EAST OF RUSSIA IN THE PERIOD OF THE CIVIL WAR (1918–1919)

The ideologems formed by the members of the heterogeneous anti-Bolshevik movement and disseminated through the periodical press served as the basis for constructing a collective identity that rallied the opponents of Soviet power. Along with the ideas expressed in the slogans of “reviving the unity and greatness of Russia”, “rebuilding the army”, non-Soviet newspapers actively formed images of Russia's foreign allies in the world war, who were the “significant Other”. They included a number of ideas about the outside world that influenced the construction of the identity of the anti-Bolshevik movement. One of the key allies of the anti-Bolshevik movement was France. The article analyzes the peculiarities of the influence of ideas about the revolutionary past of France on the construction of the identity of the anti-Bolshevik forces (the “imaginary” image of the nation) and the image of the enemy represented by the Bolsheviks. In the course of the analysis of the materials of the Siberian and Far Eastern non-Soviet periodicals, published in 1918–1919, key plots related to the revolutions in the history of France are identified, the actualization of which was carried out in the context of the articulation of values that are important for representatives of the anti-Bolshevik movement.

Keywords: Civil War in Russia, France, anti-Bolshevik movement, image, periodicals, Siberia, Far East.